

Н. А. Матушкина

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ НОМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

К настоящему времени в тюркологии сложилось довольно отчетливое представление о категории глагольных имен как о ряде морфологических единиц, служащих для образования форм причастий, деепричастий и так называемых имен действия. Существует большое количество работ, выполненных на материале как тюркских, так и других алтайских языков, которые посвящены исследованию данных форм и способов их использования в речи. Интерес к этой теме вызван типологическими особенностями алтайских языков, одной из которых является высокая употребительность глагольных имен в речи, что освобождает носителей языка от необходимости строить союзные сложноподчиненные предложения.

Существует множество различных подходов к интерпретации данных форм; цель настоящей статьи — представить и охарактеризовать основные из них.

В соответствии с традиционным подходом, представленным в работах таких исследователей, как А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова и др., формы глагольных имен относят к словообразовательному механизму языка, называя их «отглагольными именами». А. Н. Кононов, в частности, отмечал, что *словообразовательная* форма *-так* турецкого языка сочетает в себе свойства отглагольного существительного и инфинитива [1, с. 76–78]. Данная точка зрения нашла отражение и в трудах современного московского тюрколога Ю. В. Шеки. Например, в работе «Практическая грамматика турецкого языка» автор рассматривает формы имен действия (масдаров) турецкого языка (*-mA*, *-mAk*, *-Ie*) как «аффиксы „вторичного“ грамматического словообразования» [2, с. 86–88].

Причастия традиционно описываются как *формы глагола*, которые сочетают в себе морфологические признаки как глагола, так и прилагательного [3, с. 238]. Некоторые исследователи отмечают специфические особенности тюркских причастий, такие как способность выступать в речи как в адъективной, так и в субстантивной функции. При этом следует отметить, что, хотя большинство исследователей признает все формы глаголов, способные выполнять адъективную функцию в речи, причастиями, А. Н. Кононов в своей «Грамматике турецкого языка» не называет формы *-dik* и *-(y)acak* причастными, а характеризует их как «особые отглагольные имена».

Деепричастия традиционно не относят к глагольно-именным формам. А. Н. Кононов характеризует их как «особый отряд отглагольных форм, которые, обозначая второстепенное действие, служат признаком другого действия» [3, с. 239].

Следует отметить, что для многих исследователей наибольший интерес представляют не морфологические особенности данных форм, а способы их использования в речи. Во всех алтайских языках употребительность глагольных имен чрезвычайно высока, поскольку именно они используются в высказывании для передачи смыслов, которые в индоевропейских языках можно передать лишь при помощи союзных сложноподчиненных и сложносочиненных предложений.

В связи с этим с синтаксической точки зрения формы причастий, деепричастий, а также «отглагольных имен существительных» зачастую считают средствами выражения подчиненной мысли в сложноподчиненном предложении. Так, у А. Н. Кононова можно найти следующее заключение: «Под термином „деепричастие“ в грамматике турецкого языка объединяется чрезвычайно обширная категория различных по происхождению и значению аффиксов, синтаксические функции которых заключаются в передаче содержания различного рода придаточных предложений» [1, с. 153].

Некоторые исследователи полагают, что глагольно-именные формы используются в речи именно для оформления сказуемого зависимой части сложноподчиненного предложения, т. е. приписывают этой форме способность передавать информацию о наличии субъектно-предикатной связи между объектами. Например, Е. И. Убрятова замечает в отношении якутских причастий, что они способны передавать временные значения и выступать в предложении в качестве сказуемого, причем как в простом, так и в сложноподчиненном предложении (в сложноподчиненном предложении — как сказуемое и главного, и придаточного предложения) [4, с. 39].

Глагольные имена и способы их использования в речи рассматриваются в работах целого ряда ученых, посвященных изучению так называемых «полипредикативных» конструкций. Интересен взгляд на эту проблему, предложенный новосибирскими лингвистами, в частности М. И. Черемисиной. С точки зрения М. И. Черемисиной, природа инфинитных форм глагола определяется в первую очередь их синтаксическими функциями, а именно тем, что все они являются «подчиненными», «зависимыми», в результате чего они и не могут функционировать в роли сказуемого простого предложения [5, с. 88]. Каждая из форм при этом «представляет свой тип синтаксической зависимости», который и следует считать значением соответствующего аффикса: деепричастие определяется как «форма подчинения глагола глаголу», а причастие, в свою очередь, как форма подчинения глагола имени существительному [5, с. 89].

Что же касается синтаксической природы конструкций, включающих элементы, традиционно именуемые причастными или деепричастными оборотами, они рассматриваются как особый тип полипредикативных конструкций. «Эти конструкции по своим объективным свойствам оказываются между двумя ведомствами синтаксиса, ибо они не таковы, чтобы без оговорок назвать их простыми, но и не таковы, какими мы привыкли видеть сложные предложения» [6, с. 196]. При этом все деепричастные, инфинитивные и причастные конструкции, хотя и не являются собственно предикативными, безусловно, ближе к ним нежели, например, обособленные определяющие имена [5, с. 86].

Полипредикативные конструкции подразделяются на полисубъектные и моносубъектные: «Зависимая часть должна содержать позицию предикативной вершины — формы, выражающей действие или признак, предикцируемый некоторому субъекту. Это может быть тот же самый субъект, которому предикцировано финитное сказуемое — тогда конструкция называется моносубъектной; либо она имеет собственный субъект, выраженный специальной словоформой — функциональным аналогом подлежащего финитных конструкций или специальными грамматическими показателями. Конструкции с собственным субъектом — разносубъектные» [7, с. 45]. М. И. Черемисина и Е. К. Скрибник отмечают, что, если полипредикативные конструкции с глагольными именами являются разносубъектными (зависимая часть содержит позицию подлежащего), их следует оценивать скорее как особый тип сложного предложения.

Конструкции с причастными, деепричастными и инфинитивными оборотами, в составе которых нет позиции подлежащего, следует считать осложненными — не простыми и не сложными предложениями [5, с. 89–90].

Данная позиция обусловлена, с одной стороны, тем, что, в отличие от «собственно сложных» предложений, где обе части «сохраняют структурную самостоятельность», в полипредикативных конструкциях с глагольными именами обе их части не могут выступать в качестве самостоятельных высказываний [5, с. 14]. С другой стороны, М. И. Черемисина настаивает на том, что инфинитные формы глагола в алтайских языках способны «предсказывать выражаемый ими признак субъекту, отличному от субъекта главного действия», т. е. они выполняют функцию предиката [6, с. 194]. Для обозначения данных форм в работах исследовательницы вводится и активно используется термин «инфинитный предикат». Признается также наличие определенной парадигмы спряжения инфинитных предикатов, где в качестве показателей грамматического лица используются формы, «материально совпадающие с аффиксами принадлежности» [8, с. 42–43]. Утверждается, что в алтайских языках существуют две противопоставленные системы выражения предикации: одна обслуживает свободные высказывания, другая используется в зависимых высказываниях, которые обязательно грамматически выражают соотношенность представляемого ими события с каким-то другим событием. К последним относится также система притяжательного оформления зависимых предикатов, тогда как, например, в европейских языках используется одинаковая схема для оформления предикатов как зависимых, так и независимых синтаксических групп. Тем не менее, с функциональной точки зрения причастия и другие глагольно-именные формы признаются предикатами. Они соответствуют финитным формам с лично предикативными показателями в индоевропейских языках, т. е. финитному предикату соответствует инфинитная форма причастия или деепричастия, а субъекту в именительном падеже — субъект в родительном падеже [8, с. 46–47].

В одной из работ М. И. Черемисина также отмечает, что традиционное разделение на финитные и инфинитные формы глагола она находит устаревшим. Инфинитную форму следует рассматривать как специфическую форму сказуемого зависимой предикативной единицы в составе полипредикативного предложения [6, с. 313]. Именно это, по мнению автора, стимулирует генерацию все новых форм данного класса и обуславливает наличие столь большого количества данных форм в алтайских языках [6, с. 315].

Данная точка зрения на природу глагольных именных форм получила довольно широкое распространение в работах, посвященных алтайским языкам. Ее можно встретить и в работах Ю. В. Щеки: «Полипредикативным предложением с развернутыми членами называется предложение, содержащее развернутые члены, построенные с использованием неличных форм глагола (причастий, деепричастий, отглагольных имен)» [2, с. 338]. При этом автор отмечает, что данные синтаксические образования не являются придаточными предложениями, поскольку предикат не выражен финитной формой глагола. С последним аргументом нельзя не согласиться, однако спорным, по всей видимости, остается вопрос о том, стоит ли придавать причастным и деепричастным оборотам особый статус переходных, «промежуточных» явлений между сложным и простым предложением.

Наиболее радикальный взгляд на проблему интерпретации природы данных форм и способов их функционирования в речи представлен в работах профессора В. Г. Гузева, где они рассматриваются с точки зрения разработанной автором теории вторично-

го гипостазирования. Термин «гипостазирование» был введен немецким лингвистом Э. Лейзи для обозначения способности языка представлять любое явление как предмет, признак или действие и наделять его самостоятельным существованием, при этом результаты гипостазирования могут не соответствовать нашим обыденным или научным представлениям об этом явлении [9, S. 23–25].

Сущность теории вторичного гипостазирования заключается в том, что помимо механизмов первичного гипостазирования в языках имеются средства оперативного представления уже существующей семантической единицы в образе, который соответствует классифицирующему грамматическому значению другого класса лексем (в частности, в образе предмета признака или обстоятельства) [10].

К явлениям подобного рода относится, например, именная категория вторичной репрезентации, представленная в турецком языке аффиксом *-ki*, который позволяет представить какое-либо обстоятельство как предмет или признак: *yarın* «завтра» — *yarınki* «то, что произойдет завтра», «завтрашний». Очевидно, в данном случае *yarınki* представляет собой двухуровневое образование, репрезентирующее две ступени гипостазирования: то, что уже было представлено языком в виде обстоятельства, приняло образ предмета или признака.

Помимо именной в языках существует также глагольная категория вторичного гипостазирования, которая служит механизмом представления явления, первично интерпретируемого как действие, в образах предмета, признака или обстоятельства. Поскольку последние соответствуют классифицирующим грамматическим значениям именных классов лексем, а именно существительных, прилагательных и наречий, формы глагольного вторичного гипостазирования объединяются в категорию номинализации действия. При этом в данную категорию включаются также формы деепричастий, которые служат средством оперативного представления действия в качестве обстоятельства, тогда как «обстоятельственность» признается классифицирующим грамматическим значением наречий. Подобный взгляд на природу деепричастных форм глагола нашел свое отражение в работах французского ученого Ж. Дени: в одной из них он относит деепричастия к именным формам глагола [11].

Указание на интерпретационную природу именных форм глагола, на их способность представлять действие в образах признаков или предметов можно встретить у многих авторов. Так, например, в работах В. В. Виноградова мы находим следующее описание отглагольных имен существительных русского языка: «В отглагольных существительных на *ние*... стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения... Субстантивация действия, его „опредмечивание“ парализуют грамматические свойства глагола» [12, с. 102]. Причастия лингвист характеризует следующим образом: «Это причастия, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного. Естественно, что в причастии, которое не оторвалось от системы форм глагола, сохраняются основные семантические признаки глагольности, т. е. вид и залог. <...> ... в разных типах современных причастий... выражены значения настоящего и прошедшего времени» [12, с. 221]. Сходный подход можно встретить и в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, где именной форме глагола дается следующее определение: «форма глагола, в которой процесс (действие, состояние), оставаясь по существу процессом, частично представляется как признак (причастие) или частично опредмечивается (герундий, инфинитив)» [13, с. 172].

Если рассматривать категорию номинализации действия с точки зрения теории вторичного гипостазирования, то в ней можно по функциональному признаку выделить следующие более частные категории: причастия — окказионально представляют действие в образе признака, деепричастия — представляют действие в виде обстоятельства, имена действия (масдары) — представляют действие в виде предмета. Помимо этого В.Г. Гузев выделяет также особые субстантивно-адъективные формы (в турецком языке это формы *-acak* и *-dik*), которые объединяет то, что они могут представлять действие и как предмет, и как признак предмета. При этом от имен действия их отличает способность не просто называть действие, а сообщать о факте его совершения, соотношенном с каким-либо временным планом. Что касается атрибутивного их использования, то от причастий эти формы отличает отсутствие агентивного значения [14, 15]. Следует отметить, что большинство существующих грамматик тюркских языков не учитывают указанных отличий и ошибочно относят все имеющиеся в языке формы с адъективным значением к причастиям.

Подобная интерпретация природы глагольно-именных форм позволяет с уверенностью отнести их к словоизменительному, а не словообразовательному механизму языка. С семантической точки зрения представляется очевидным, что словоформы, полученные в результате присоединения показателя номинализации действия, не осознаются носителями языка как наименования иных явлений окружающей действительности: меняется лишь «образ», в котором предстает данное явление — то, что интерпретировалось как действие, предстает в образе признака, предмета или обстоятельства. Помимо этого существует ряд формальных признаков, свидетельствующих в пользу словоизменительной природы данных форм, а именно то, что формы эти: 1) зачастую сохраняют глагольное управление; 2) способны выступать в продуктивных залоговых формах; 3) могут образовывать отрицательную форму при помощи глагольного аффикса отрицания *-ta*; 4) способны оформлять сложные глагольные образования, в частности так называемые аналитические конструкции [14].

Следует отметить, что М.И. Черемисина в своих работах также высказывается в пользу словоизменительного характера именных форм глагола (нужно уточнить, что под именными формами глагола М.И. Черемисина понимает, прежде всего, имена действия и причастия): «Именными формами глагола мы называем формы, регулярно образуемые от глагольных основ, представляющие действие в номинализованной семиотической форме и сохраняющие при этом категориальные признаки глагола: модальность, время, субъектно-объектные валентности, видовые (аспектуальные) и залоговые характеристики. Именно сохранение этих категориальных признаков глагола и обеспечивает именным формам законное место в парадигме глагольного слова, т.е. статус глагольных форм, а не лексических производных глагола» [8, с. 47].

Суммируя вышесказанное, можно прийти к следующему заключению: все именные формы глагола следует объединять в категорию номинализации действия, в состав которой в тюркских и других алтайских языках могут входить формы причастий, деепричастий, имен действия (масдаров), а также субстантивно-адъективные формы, которые следует отличать от причастий. Точку зрения, согласно которой данные формы в тюркских языках относятся к словообразовательному механизму языка, следует считать устаревшей.

Литература

1. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 312 с.
2. Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 672 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 448 с.
4. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 603 с.
5. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.
6. Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
7. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последложных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С. 38–76.
8. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.
9. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1961. 135 S.
10. Гузев В. Г. Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востоковедение: филологические исследования / отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. Вып. 21. С. 29–36.
11. Dery J. Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli). Paris: Éditions Ernest Leroux, 1921. 1218 p.
12. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
14. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языка) // *Turcologica*. Л.: Наука, 1976. С. 56–64.
15. Гузев В. Г. О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология. Баку: Изд-во Академии Наук Азербайджанской ССР, 1977. С. 36–43

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.